

ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИК ИЛАРИОН (ГРОМОВ)

*Доклад игуменни Евпраксии (Инбер) на конференции
“Древние монашеские традиции в условиях современности”
21 декабря 2017 года. Нило-Столобенская пустынь*

Год 2017 стал для нас юбилейным. Мы отмечаем 450-летие освящения Вознесенского собора нашего монастыря святителем Варсонофием Тверским и 25-летие возрождения монашеской жизни в нашей обители. Но 2017 – это еще и год столетия революции, и интересно, что именно в этот год мы обнаружили в сонме новомучеников и исповедников Российских святого из соседней с нами деревни Крупшево – это преподобномученик Иларион (Громов). Детство и юность его, вероятнее всего, были связаны с нашим монастырем, именно сюда ходили молиться жители Крупшева – это ближайший храм, а прпмч. Иларион (в миру Иван Андреевич Громов), как тяготевший к монашеству, конечно любил монастырские службы, и, возможно, именно здесь созрело его решение посвятить свою жизнь Богу.

В 1895 году на 28-м году жизни он приехал на Афон и был принят в русский Пантелеимонов монастырь. В том же году был пострижен в рясофор с именем Иоанн, а в 1902 году в мантию с именем Иларион. Послушание проходил на Подворье в Одессе, а в самой обители - на книжном складе. С 1908 года исполнял послушание на Подворье в Москве. С 1910 по 1912 год вновь проживал в обители. В 1912 году его опять отправили в Москву.

Афонское Подворье в Москве, учрежденное в 1879 году на частные пожертвования, размещалось в небольшой дворянской усадьбе на Большой Полянке. Настоятелем Подворья в ту пору был великий старец - преподобный Аристоклий (Амвросиев). Именно через него на протяжении многих лет осуществлялась связь с Пантелеимоновым монастырём на Святой горе Афон.

Несмотря на тяжелый недуг (большую часть жизни он страдал водянкой и болезнью ног), преподобный занимался благоустройством обители, руководил издательской деятельностью, а кроме того, окормлял духовно множество людей, которые шли к нему со всей России. Иеросхимонах Аристоклий обладал дарами прозорливости, исцелений, изгнания бесов. В день преподобный принимал иногда более тысячи человек. Старца очень почитали свт. Тихон (Беллавин) и еп. Трифон (Туркестанов). В тяжелое революционное время по молитвам прп. Аристоклия люди спасались от голодной смерти, выходили из тюрьмы, избегали расстрела. Благодаря ему многие неверующие обратились к Богу.

По инициативе святого старца на Афонском Подворье в Москве издавалось периодическое издание "Душеполезный Собеседник", которое рассказывало о жизни русских монахов на Святой Горе, знакомило с жизнеописаниями афонских подвижников, с письмами старцев к своим духовным чадам. Благодаря этим публикациям, вызывавшим огромный интерес, русский Афон воспринимался читателями как неотъемлемая часть России. В результате русские мона-

стыри на Афоне стали пополняться новыми послушниками, на щедрые пожертвования россиян восстанавливались пострадавшие от пожаров монастырские постройки, возводились новые храмы. Ктиторы и настоятели российских храмов стали заказывать через Афонское Подворье иконы с ликами святых для своих церквей, как в двух столицах, так и в провинции.

В конце XIX – начале XX веков трудами братии Подворья в Москве вышли десятки книг Свято-Пантелеимонова монастыря: «Собрание писем святителя Феофана»; «Письма Святогорца к друзьям своим о Св. Горе Афонской. В 3 частях», «Афонский патерик или жизнеописания святых на Св. Афонской Горе просиявших. В 2 частях» и многие другие; 384 издания Афонских листков, сотни номеров журнала «Душеполезный собеседник» и т.д. Некоторые издания не только раздавались на Подворье, но и бесплатно рассылались по стране. «Каталог книг, изданных Афонским Русским Пантелеимоновым монастырем», выдержавший около 20 изданий, также выпускался в Москве, и по нему можно было заказать различные книги и брошюры, которые отправлялись заказчикам с книжного склада при Подворье.

Издательское дело и стало основным послушанием о. Иллариона (Громова) на Московском подворье.

После постройки в 1909 г. нового комплекса зданий Подворья вблизи ул. Большая Полянка в одном из них были размещены издательство православной литературы и большой книжный склад, откуда продолжалась рассылка изданий по стране. Так, например, 2 марта 1914 г. председатель Совета Донского Союза русского народа (в г. Новочеркасске) статский советник Л. Елифанович выслал игумену Мисаилу письмо с благодарностью за отправку этой организацией заведующим книжного склада Московского Подворья Руссика монахом Илларионом (Громовым) 87 наименований книг, брошюр и листков.

С началом Первой мировой войны при Подворье был открыт лазарет, где монах Иларион также самоотверженно трудился. Вот что пишет он игумену Мисаилу 5 мая 1915 года: «У меня на Подворье взяли тоже четырех моих помощников, без которых мне приходится трудненько. Теперь нужно в каждое дело вникать самому. Кроме того, еще и лазарет, да приходящих к нам на перевязку хватает с четырех других лазаретов. За всеми нужно смотреть».

После кончины в 1918 году старца Аристоклия отец Иларион возглавил московское подворье. Несмотря на наступившие трудные времена, он имел тесную связь со старцами афонского монастыря. С 1913 по 1929 год из Москвы он постоянно писал письма отцу Мисаилу.

9 ноября 1920 года Патриарх Московский и всея Руси святитель Тихон рукоположил отца Илариона во иеродиакона, а за тем и во иеромонаха.

Но вскоре большевистское правительство перешло в наступление на духовенство и Церковь. Подворье было закрыто. Вот как пишет об этом отец Иларион в своем письме к игумену Мисаилу от 21 декабря 1922 года: «Батюшка! Дополнительно посылаю Вам настоящее письмо о нашем великом испытании, которое постигло нас, а именно: наше Подворье отобрано и теперь перешло в коммунальное хозяйство Горной Академии студентов. Нам пока временно для жилья дали

уголок — помещение бывшего приюта. Из церкви, а также из могилки вывезли все. Только гроб старца [отца Аристоклия] пока находится в усыпальнице, которая запечатана. Мы стараемся тело старца перевезти на одно из кладбищ московских монастырей. Одним словом, с закрытием храма мы теперь лишены духовного утешения. Дорогой Батюшка! Тяжело и горько нам живется. Нет слов выразить Вам посетившей нас печали. Мы — Ваши дети, находимся здесь как сироты, застигнутые судьбой бушующего житейского моря. Вся цель и стремление здешней вверенной мне братии — уехать в святую обитель».

Но отец Иларион с братией Подворья так и не смог вернуться на Афон. Он много хлопотал о выдаче заграничных паспортов для себя и для братии, но этим только привлек к себе внимание властей. Начались преследования. До некоторого времени отцу Илариону удавалось избегать ареста. С 1922 года он служил сверхштатным священником в храме святого Григория Неокесарийского в Москве. Но гонения на духовенство усиливались, и отец Иларион был вынужден скрываться. Его приютил у себя дома Николай Александрович Рейн, будущий мученик. На его квартире отец Иларион совершал богослужения.

В декабре 1930 года ОГПУ по распоряжению советского правительства начало проводить мероприятия по выселению из Москвы священнослужителей, монахов и монахинь закрытых монастырей и активных мирян. Всего в Москве в декабре 1930 года было арестовано, допрошено и подготовлено к выселению более четырехсот человек.

28 декабря 1930 года отец Иларион был арестован. Убедившись из расспросов, что перед ним иеромонах, следователь спросил его, ведет ли он агитацию против советской власти, а также: что он отвечает верующим, когда те спрашивают, есть ли в настоящее время в стране советов гонения на религию? Отец Иларион ответил: «Агитации против советской власти я не веду. Верующим, которые обращаются ко мне по вопросу о гонениях на религию, я всегда объясняю так, что всякая власть дается от Бога, а поэтому всякой власти надо подчиняться и переносить все гонения на религию».

Выяснив, что иеромонах Иларион считает, что при советской власти гонения есть, следователь отпустил его, взяв подписку о невыезде.

29 января 1931 года следственные действия, касающиеся той группы, в которую входил иеромонах Иларион, были закончены и составлено обвинительное заключение, где писалось, что они, «монахи, монашки, бывшие домовладельцы и торговцы, будучи активными церковниками-монархистами, группируясь вокруг реакционных московских церквей, систематически ведут антисоветскую агитацию о религиозных гонениях, чинимых советской властью... Квартиры их являются убежищем для всякого рода контрреволюционного элемента».

8 февраля 1931 года Особое Совецание при Коллегии ОГПУ приговорило всех арестованных к трем годам ссылки. Половина арестованных была отправлена в Казахстан, а половина, в которую попал и иеромонах Иларион, в Северный край на строительство железнодорожной ветки в глухой тайге, где условия работы и жизни были самые тяжелые. Сюда было сослано много духовенства, и многие здесь умерли от болезней и непосильного труда.

«Ка-эры, попы, кулаки, монахи, — говорил Дзержинский на съезде начальников секретных отделов в Москве, — наши злейшие враги. Чем скорее мы от них отделаемся, тем скорее подойдем к социализму... Жесточайшая и упорная борьба с этим элементом, — борьба, в которой мы не должны брезговать никакими методами, — борьба, в конечном результате которой не должно остаться в живых ни одного каэра, ни одного попа или монаха - вот наш чекистский лозунг, который каждый честный чекист должен ежеминутно помнить и которым он должен руководствоваться в повседневной своей работе».

В лагерях и ссылках, в которые священники и монахи попадали, «честные чекисты» старательно следовали указаниям своего руководителя.

Вот что пишет в своих воспоминаниях один из них, впоследствии эмигрировавший из Советского Союза: «На 1-е мая 1930 г. в СЛОНе священнослужителей и монахов было свыше 10 тысяч человек. Коммунисты из администрации СЛОНа их почему то усиленно ненавидят, в особенности чекисты-надзиратели. На Поповом острове (около Кеми) их нарочно ставят в строю всех рядом и в передней шеренге, чтобы они рассчитывались. Чекисты-надзиратели нарочно в присутствии священников ругаются самой кощунственной бранью. На командировках их помещают в худшие жилищные условия и дают самую трудную работу. Где условия для выполнения урока самые трудные, туда обязательно посылают священников и монахов.

В большинстве своем священники — люди старые и больные; от них, как их ни бей, много не возьмешь; СЛОН старается поэтому поскорее избавиться от них. Как только на какой-нибудь командировке обнаруживается эпидемия тифа, сейчас же оттуда угоняют всех здоровых заключенных, а на место их присылают священников и монахов».

Нормы были завышены на все виды работ. Не выполнявшим норму урезали пайку или сажали в карцер. Применяли за любые малейшие, действительные или мнимые провинности и другие лютые наказания.

Северные лагеря отличались особой жестокостью и страшными условиями жизни. Что пережил там о. Иларион, и как ему удалось остаться в живых, остается неизвестным.

В 1934 году Отец Иларион вернулся в Москву, но в выдаче паспорта ему опять было отказано, и он поселился в поселке Новые Петушки (ныне г. Петушки) Владимирской области у своего духовного сына. Здесь он прожил несколько лет, время от времени приезжая в Москву для окормления духовных чад.

В Москве он часто ходил в храм Ризоположения на Донской улице, но служить здесь не мог из-за запрета властей. Службы отец Иларион совершал на частных квартирах, где были устроены домашние церкви, в частности, на квартире дьякона Иоанна Хренова, будущего священномученика. Материально помогал ему его духовный сын Николай Рейн.

26 августа 1937 года иеромонах Иларион был вновь арестован, заключен в Бутырскую тюрьму в городе Москве и допрошен. Отец Иларион не признал себя

виновным, и следователь не настаивал, для него было достаточно показаний лже-свидетеля, с которым отец Иларион был знаком, а также и того, что священник был судим за контрреволюционную деятельность в 1931 году.

5 октября 1937 года следствие было закончено. Отца Илариона обвинили в том, что «он являлся активным участником контрреволюционной церковно-монархической группы, на квартирах своих единомышленников совершал тайные богослужения, проводил систематическую антисоветскую агитацию, высказывал фашистские настроения, распространял контрреволюционные провокационные слухи о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство».

8 октября 1937 года особой тройкой при УНКВД по Московской области иеромонах Иларион (Громов) был приговорен к расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 11 октября 1937 года.

Честное тело священномученика покоится в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Постановлением Священного Синода РПЦ от 7 мая 2003 года священномученик Иларион (Громов) был причислен к лику святых.

Впервые в этом году в день его мученической кончины, 11 октября, который тоже стал юбилейным – ровно 80 лет назад совершились его страдания – мы отслужили прпмч. Илариону отдельную службу. Наши сестры сейчас пишут ему икону, на которой будет изображен также преподобный старец Аристоклий.

Их же святыми молитвами, Господи, помилуй и спаси нас!